

Театр СМЕХ — ДЕЛО СЕРЬЕЗНОЕ

Все теснее и глубже становится дружба одесского зрителя с коллективом Ленинградского театра комедии. Изображая жизнь в ее многообразии, театр поднимает стихию смешного, комического своему идейному кредо. Осмеяние пережитков в создании людей, бытовые пороки становятся активным оружием в опытных руках.

Особенно интересным представляется нам прочтение театром классической драматургии.

«Сценическое воплощение рассказов Чехова» — так театр называет в программе свой спектакль «Пестрые рассказы». Да, это не инсценировка. Каждый рассказ — маленький спектакль, предельно театралный по форме, глубоко чеховский по духу. Искусственность, фейерверк красок, нюансов, разнообразие актерских приемов, блеск режиссерской выдумки, изящество и хороший вкус образуют в спектакле многоцветную гамму, покоряющую зрителя.

Спектакль получился по-настоящему чеховским потому, что идейные замыслы постановщика отвечают строгой требовательности автора. Чехов стремился писать «жизнь такую, какая она есть, но оттого, что каждая строчка приписана как своим сознанием цели, вы, кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это плечет вас». Театр идет тем же путем.

«Рассказ госпожи НН» и «Трагик поневоле» занимают особое место в спектакле. Что за дело, казалось бы, современному зрителю до лирических воспоминаний няняжи НН! Но почему же так волнует нас ее рассказ? Вот тут, кроме жизни, какая она есть, о которой рассказывает артистка Е. Юнгер, мы, по велению Чехова и театра, чувствуем ту жизнь, какая должна быть. Юнгер великолепно владеет искусством слова, оно у нее пластично, выкукло, тайны чеховского подтекста раскрываются в многогранных интонациях. За образом, созданным артисткой, встает целая эпоха.

«Трагик поневоле» определен Чеховым как шутка в одном действии. Но «шутка шутить — дело серьезное». И с какой громадной внутренней серьезностью подходит к воплощению образа дачного мучака Ивана Ивановича артист Н. Трофимов! Обстоятельства, которые ему предлагает автор, трагичны, и актер, верно, чувствует это. Но чем банальнее причины, вызывающие у Ивана Ивановича приливы отчаяния, тем комедийнее звучит спектакль, тем громче смеется зритель. Этот явный диссонанс умно подчеркивает театром. Единой темой разоблачения бы-

жуазной морали объединены между собой рассказы «От нечего делать», «Нянючка» и «Мститель». Театр воинственно относится к этой теме, а не просто осмеял своих героев. Много горького подтекста в рассказе «Нянючка». Это прежде всего благодаря уминому исполнению Г. Воропаевым роли Вихленова. И трогает нас его доверчивость и чистота, и жаль его, и досадно и негодуешь на него за отсутствие человеческого достоинства.

Режиссер явно саркастически относится к страданиям другого обманутого мужа — из рассказа «Мститель». Шаг за шагом разоблачает театр трусливую мораль теорон и его себялюбие.

Нужно еще раз перечитать рассказ «Водовиль» для того, чтобы полнее оценить всю меру режиссерского фантазма, внесенной в сценическую жизнь этого, не очень веселого чеховского произведения.

Режиссер делит сцену на две половины: на одной чиновник Илючок читает друзьям свой водовиль, а на второй живут и действуют его герои. Нам, зрителям, так же, как и друзьям Илючка, нравится написанный им водовиль. Но вот слово за слово чиновники начинают высказывать, что образы водовиль слишком похожи на «выпестованных начальников». Как бы чего не вышло! И вывод — рукопись лучше уничтожить. В подтексте спектакля много горечи.

Отнюдь не беззлобным смехом смеется театр, показывая ябасно в прозе «Вузмажонки». Ее мораль такова — в буржуазном мире деньги губят человека.

Что можно сказать о «Юбилее», этом маленьком шедевре Чехова? Концептное исполнение, удивительная аясамблеозность, развенчание буржуазной эстетики, сатирическое изображение канцеляризма и, выражаясь, увы, не чеховским языком — апокаауа, — все это присутствует в спектакле. Но, мы бы сказали, что новых открытий в нем нет, кроме работы артиста К. Злобина. Исполнение мужичиной женской роли обычно смешит публику. Но Мерзуткина страшна в своей тупости и обывательской жадности. Смеяться, но с тоской думаешь — не вылезешь еще и у нас такие «беззащитные существа», как Мерзуткина.

Сейчас, когда мы знакомимся с рецензией Плетуша ЦК КПСС, особенно остро ощущаю, как в нашей массовом наступлении на пережитки прошлого, в нашей борьбе за духовную красоту человека, помогают нам смех Гоголя, сатира Салтыкова-Щедрина и юмор Чехова. Они идут в одном строю с нами.

Старинный водовиль: «Лев Гурвич Синичкин», написанный Д. Ленским более ста лет тому назад, также нашел свое второе рождение на сцене Ленинградского театра комедии. Комедийность ситуаций, несмотря на свою остроту, не могла сама по себе спасти водовиль от устаревания, требовалось в старый мех влить молодых вино. Это и сделал А. Вовди, актер Ленинградского театра. Писса писал для данного театра, и это не могло не придать спектаклю особое стилевое единство.

В основу пьесы Бонди положена не борьба за роль, а борьба за чистоту сценических идей, показаны не закулисные интриги, а столкновения интересов творцов и ремесленников. Современность спектакля не в том, что актеры ставят в текст словечки о ксмосе, о тучейдах, о квартире в новом доме и т. д. Кстати, этого немного любви прилет мог бы и не применяться. Основное, что сохраняет весь спектакль и рождает его со зрителем, — аэра в то, что истинный талант добьется своего признания.

Одна из самых выразительных сцен — дебют дочери Синичкина в театре. За кулисами часо-почасо собираются все актеры. Не отрываясь, следят они за игрой Лизы. Лица их светлеют, голоса звучат мягче, мы видим души людей, а не маски, которые наложено на них «молода» героев, злодеев, инженеров и т. д. Облагораживающее влияние таланта, правда жизни, которую прирассла с собой Лиза, не могли не объединить всех в один творческий коллектив. Эта сцена поставлена и сыграна очень умно. Ее светлая приподнятость сообщает перспективность всем предшествующим событиям.

Безжалостно и весело относятся к своим героям артисты П. Панков (Пустославец), В. Усков (граф Зефирин), А. Савостьянов (драматург Борзиков), И. Зарубина (Сурмилло), Л. Мининдер (князь Ветринский).

Для Борзикова ясно: «его время еще не пришло», он творит для потомков! А пока он один и тот же сюжет использует и для театра, и для юга, и для радио... Модернизация? Нет, вполне современная сатира. Театр продолжает ту же мысль, заставляя зрителя громко хохотать над убранным залом в доме графа Зефирина. Да, это же мастерская современного абстракциониста! Артист В. Усков нигде не шакарирует, но его склеротическое рассуждения о задачах искусства — просто бужет из статей буржуазных эстетов.

Эти люди руководят искусством, это сила! А напротив стоит маленький человек. Это Синичкин. Великолепный, яркий актер Н. Трофимов подчеркивает в этой роли не выдумку и хитрость Лизы Гурвича, а вдохновенную уверенность в своей правоте. Принципиальная удача актера — в доказательстве: побеждают сильные духом.

Вся актерская техника, включая хореографические способности, подчинена единой идейной задаче. Бросается в глаза и национальное своеобразие исполнения роли Синичкина. Сценический материал ляжет на «французскую легкость». Но у Трофимова идеяра задумавшая русская комедийность.

Очень хорошо, что Лиза в спектакле не «молодая нянючка», а Сурмиллова не «уязвляющая примдонна». Лиза (артистка В. Карпова) скромна, мила, даже немного простодушна. А ее лучистые глаза и непосредственность чувств заставляют зрителя зерить в ее артистичность. Сурмиллова в исполнении артистки И. Зарубиной вся создана из цинизма, фальши, интриг, аэзковых похотений.

Композитор А. Чернов много помог актерам своими остроумными и тонкими музыкальными характеристиками.

Одесские зрители очень много ждали от творческой встречи с популярным артистом С. Филипповым. Однако по существу эта встреча не состоялась. Исполняя роли Хиряна и Луки в спектаклях «Юбилей» и «Лев Гурвич Синичкин», он по сути менял только парики и костюмы. Внутреннего перевоплощения в образ не было. Этот факт огорчителен для нас, пожалуй, больше, чем для самого артиста.

Оба спектакля поставлены и оформлены народным артистом СССР Н. П. Акимовым. Пожалуй, трудно сказать, кто талантливее — художник или режиссер. Ясно одно — характерной чертой постановок классических комедий у ленинградцев является уарушение событий, их политическая аясострелность при сохранении всей виртуозности акимовского почерка.

З. ДЯКОНОВА.